А.А. МЕДВЕДЕВ

МОТИВ САДА В ТВОРЧЕСТВЕ М. ПРИШВИНА И А. БЛОКА

В ряду тех неординарных личностей, с которыми Пришвин встретился еще в начале своего литературного пути, был и А. Блок.

Пришвин пишет о времени, когда он посещал собрания религиозно-философского общества: "Каждый день, переживаемый мной, год в моем развитии"[1]. В этом смысле немаловажное значение имело для Пришвина и знакомство с А. Блоком. Уже первая запись в дневнике Пришвина о Блоке свидетельствует о благоговейном отношении Пришвина к Блоку: "Подхожу сегодня к Блоку, спрашиваю его, и так он ответил мне проникновенно. Я его понял без слов. Хотел ему что-то сказать. Тут подошел Н. ...и все закрылось..." (Т. 8. С. 38). Блок был на семь лет младше Пришвина, но почти на столько же старше его. В те годы он был уже прославленным поэтом-символистом, который выпустил несколько поэтических сборников. А Пришвин только появляется на литературном горизонте с книгами очерков о Севере - "В краю непуганых птиц", "За волшебным колобком".

Но Пришвин ценит Блока не столько за литературную славу, сколько за неповторимый духовный облик поэта. Об этом он пишет в дневнике: "Есть люди, от которых является подозрение в своей неправоте, или даже ничтожестве своем, и начинается борьба за восстановление себя самого, за выправление своей жизненной линии. Таков для меня Блок. Стихов Блока и вообще этой высшей стихотворной поэзии я не понимаю: эти снежные кружева слишком кружева для меня...

Блок для меня - это человек, живущий в "духе", редчайшее явление, мучительная снежная высота"[2]. Блок для Пришвина навсегда остался человеком, на которого он ориентировался в жизни. И Пришвин до конца своих дней особенно выделял Блока, давая высокую оценку его неповторимой благородной личности. Важнейшие моменты взаимоотношений Пришвина и Блока связаны с революцией и поэмой Блока "Двенадцать". Пришвин писал об этом: "Мы встретились с Блоком в отношении к революции. Горним своим глазом он разобрал в нем интернационал, а я своим долинным путем понимал, что чем меньше жертв, тем лучше. Словом, я не чувствую "музыки революции", хотя верю и знаю, что она была у немногих, знакомая мне музыка по моей юности" (Т. 8. С.173).

В дневнике Пришвина, начиная с 1908 года и до последних дней его жизни, ведется диалог с Блоком по многим общим для них темам: о символическом смысле поэм "Двенадцать" и "Соловьиный сад", об образе Прекрасной Дамы, об отношении к России и революции.

В пришвиноведении к блоковедении рассмотрен вопрос о взаимоотношении Пришвина и Блока в период Октябрьской революции. Но на основе найденного в 1987 году письма Пришвина к Блоку и

дневниковых записей Пришвина о поэме Блока "Соловьиный сад" можно поставить вопрос о диалоге художников в связи с мотивом сада.

Долгополов считает, что "Соловьинный сад" - романтическая повесть "со всеми особенностями аллегории", "в отвлеченных формах решавшая проблемы взаимоотношения художника и общества"[3]. Д. Максимов пишет, что это поэма о распутье, о двух возможных путях: "Блок не пытается найти точку применения любви и долга, но, сурово, альтернативно отделяет их друг от друга, отдавая предпочтение долгу".[4]

Наиболее интересная, по-моему, трактовка "Соловьинного сада" принадлежит К.Кедрову, который рассматривает поэму в широком культурном контексте. Кедров признает, что в конце поэмы герой оказывается в ситуации отчуждения: "Человек стал чужим для земли, как в раю он был чужим раю"[5].

В ряду интерпретаций "Соловьиного сада" пришвинская - едва ли не самая глубокая, затрагивающая общечеловеческий смысл поэмы. Непосредственно Пришвин обращается к поэме Блока дважды - в 1917 и в 1948 гг. Косвенно мотивы "Соловьиного сада" являются сквозными в дневнике писателя. В письме от 29 ноября 1917 года Пришвин просит у Блока напечатать поэму "Соловьиный сад" в литературном .приложении "Воли народа". Блок отвечает согласием и надеется, что поэма будет "прочитана публикой заново"[6].

Подробно о поэме "Соловьиный сад" Пришвин пишет в дневнике 1948 года: "...Соловьиная поэма Блока: осел привез поэта в соловьиный сад, и он там заскучал по своему ослу. Смысл этой поэмы - каждый поэт мечтает освободиться от своего осла, и когда попадает в боги - скучает о своем осле. И такова вся жизнь поэта, как альпинист: хочется уйти от осла, но осел везет продовольствие. Поэзия - это сила центробежная, подчиненная центростремительной силе. Поэзия предпочитает центростремительной силе свободу, она бы ушла в бесконечное пространство и бросила землю, но центростремительная сила земли держит поэзию и получается, как у Блока, что поэт как осел, впрягается в воз. Движение по кругу. Поэзия не только в стихах, а везде: и в прозе, и во всей повседневности. Если разорвать этот союз двух сил, то у Блока распадается на поэта и осла, у Сервантеса на Дон Кихота и Санчо"[7].

В пришвинской трактовке поэмы прослеживается акцент на антитетичность сознания художника, которую Пришвин отмечал в Блоке. В связи с "Соловьиным садом" Пришвин затрагивает вопрос о сущности искусства, о драматичности сознания поэта. Вся жизнь поэта состоит из неразрывного союза двух сил, но поэт, непрерывно переходя из одного состояния в другое, оказывается между двух сил: между поэзией и прозой, свободой вдохновения и тяжелым трудом, духом и телом. Поэт пытается уйти в бесконечное пространство, но центростремительная сила земли притягивает его к себе.

Только в творчестве поэта может происходить соединение этих внешне не соединимых сил, так как только в искусстве жизнь и мечта

переплавляются в новый мир, мир, в котором уже нет обычного пространства и времени.

Искусство - это некий третий мир, в котором проходит в союзе двух внешне непримиримых сил вся жизнь поэта. Антиномичность сознания поэта, природы, его творчества, которую Пришвин увидел в "Соловьином саду" Блока, характерна для символа "сад" у самого Пришвина, сквозного универсального мотива - символа всего его творчества. Содержание этого символа в европейской культурной традиции "через опосредованные смысловые сцепления соотнесено с идеей мировой целокупности, с полнотой космического и человеческого универсума"[8].

В дневнике Пришвин раскрывает сущность творческого процесса через образ сада: "Вообразить рай можно по себе, по той минуте полной душевной гармонии, какую многие... знают в себе. Эта минута, мгновение полного счастья... рай, как прекрасный сад, возник из него, и каждое музыкально-художественное произведение родилось как попытка удержать это мгновение... Поэты называют приход его вдохновением... Обыкновенный дачник встречает приход прекрасного мгновения к себе пошлым восклицанием. А художник, как раненый, хватается за кисть и в труде адском топит невыносимое свое счастье, отчего и труд делается возможным" (Т.8.С.345). Начинают действовать "законы" двух сил - вдохновения как "мгновения полного счастья" и "труда адского", в результате чего рождается произведение искусства.

В дневнике есть еще один вариант темы сада - творчества - вдохновения, это "моцартовская тема" Пришвина: бездарный Сальери, как и "дачник", не чувствует это мгновение так, как его чувствует Бог - Моцарт, который извлекает из него прекрасную гармонию.

Вдохновение у Пришвина - это еще и способ обладания "целым миром". Оно, как и материнский сад, дается без труда (Т.7. С.120).

По Пришвину, талант предполагает утрату "своей меры", выход из этого времени и пространства и замену их новыми мерами: "в некотором царстве, в некотором государстве" (Т.7. С. 133). К антитезе "Моцарт-Сальери" примыкает антитеза "Дон Кихот - Санчо Пансо" и "Иван-дурак" как русское разрешение темы Дон Кихота (Т.7. С.264). Два совершенно разных мировосприятия: там, где в завывании ветра Дон Кихот слышит "топот рокового коня", Санчо улавливал только шум "буксирующей полуторотонки" (Т 7. С.264). Неразрывность и взаимопроникновение понятий: свобода и необходимость, вдохновение и труд, дух и тело, поэзия и проза, моцартовское и ослиное - Пришвин наглядно показывает, когда пишет: "Без навоза не вырастишь розу, но поэт все-таки будет славить розу, а не навоз, то есть удобрение. Надо показать розу и оставить немного навозу, перегнившего, осоломленного, чтобы показать рядом с красотой добро, рядом со свободой необходимость, из которой она выбиралась" (Т.7. С.107). Другое начало "Сада" у Пришвина - природное, постоянно творящее, преображающее - дается в образе

Матери-Богородицы. В Дневнике 1914 года Пришвин вспоминает материнский сад в Хрущеве: "И лучше всего был у нас сад. Я часто видел его в сновидениях: по склону горы как-то иду я, деревья не частые, но каждое дерево издали светится и птицы поют как в раю... Я и мать свою помню, как Богородицу, вся была в черном, подошла к моей кроватке и рассказала, что в эту ночь мальчик родится и звон по небу пойдет. А была она, мать моя, в жизни просто купеческая дочь..."[9]. Человек создает свой сад по своему образу и подобию. Сад представляет собой космос, украшенный, созданный порядок: космос человеческой души и вселенский космос.

Сад-космос - один из обликов идеала в творчестве Пришвина. Поэтому сад у Пришвина - это еще и исток любви, то единство, которое объединяет всех через любовь и в любви: "...цветущий сад существует для всех и для каждого..." (Т.7. С.191).

В сущности, символ "сад" растворен своей многоликостью во всем объеме понятия творчества. Каждый творит свой сад, выражая свое стремление к лучшему, потому что "лучшее у человека есть действительно сад" (Т.7. С.130).

Как и у Блока, мотив-символ "сад" у Пришвина антиномичен и таинственно многолик, и полнота его смысла раскрывается в диалогической соотнесенности пришвинского сада с блоковским.

Использование природно-растительной символики (семена, плоды, цветы, растущее дерево) - постоянный ритм, используемый Пришвиным, когда он характеризует творческий процесс. Так, итог своего творчества, свою главную книгу - "Незабудки" Пришвин видит, как "букет незабудок", цветов с "золотым солнышком в голубых лепестках" (Т.7. С.162). Незабудка для Пришвина - это тоже целая "вселенная", потому что цветок этот создан по образу и подобию голубого неба и солнца, которое определяет на земле наш порядок. Незабудка соединяет микрокосм человеческой души, человека-творца, землю как сад цветов с небесно-вселенским миром и "Великим Садовником" (Т.7.С. 177) - Творцом мира. "Садом из слов" Пришвин не раз называет все свое творчество.

Вся эта образная система Пришвина созвучна образной системе Блока, у которого, как отмечают С.Лесневский и З.Минц[10], она "получает многочисленные философские осмысления и связана, главным образом, с растительной символикой мирового синтеза в знаменитых строках Вл.Соловьева "Мы сошлись с тобой недаром":

"Свет из тьмы. Над горной
глыбой
Вознестися не могли бы
Лики роз твоих.
Если б в сумрачное лоно
Не впивался погруженный
Темный корень их".

Примечания

1. Пришвин М.М.Дневники // Пришвин М.М. Собр.соч. в 8т.Т.8. М., 1982. С. 40. Далее ссылки на произведения, входящие в это собр.соч., приводятся в тексте с указанием в скобках тома и страницы.
2. Цит. по: Блок А.А. Новые материалы и исследования в 5 кн. Кн. 4. М. 1987. с. 336.
3. Долгополов Л.К. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX - начала XX веков. М., 1969. С.130.
4. Максимов Д. Поэзия и проза А.Блока. Л., 1975. С. 108.
5. Кедров К. Поэтический космос. М., 1989. С. 60.
6. Блок А.А. Новые материалы и исследования. С. 336.
7. Там же. С.334.
8. Бахтин М.М.Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 361.
9. Пришвин М.М. Дневник 1914 года // Литературная учеба. 1989. №1. С.139.
10. Блок А.А. Новые материалы и исследования. С.643.